

Формирование физического и символического пространств Восточной России

Термин «историко-культурный ландшафт» (или «культурный ландшафт») пришёл в этнологию из географии¹. Его применяют, желая показать единство природных и культурных объектов, влияющих как на формирование тех или иных культур, так и на специфику антропогенного освоения конкретной территории.

¹ Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: МГУ, 2003. С. 42—54.

Впрочем, категория ландшафта давно эмансипировалась и сегодня, с учётом предметных нюансов, широко используется в целом ряде дисциплин — от географии и экологии до культурной антропологии и психологии.

В этнологии данная категория имплицитно присутствует в подавляющем большинстве работ всех направлений. Так, например, характеристика народов по хозяйственно-культурным типам или же историко-культурным областям начинается с очерчивания ареальных границ. Слово «ландшафт» может и не использоваться, но почти всегда подразумевается.

Ландшафт как научная категория описывает генетически однородный природно-территориальный комплекс². Здесь важно отметить его структурированность и внутреннюю связность всех компонент. В естественных науках внимание уделяется геологическому фундаменту, рельефу, гидрографическим особенностям, почвенному покрову, климатическим условиям и биоценозам. Антропологов же привлекает образ территории, который напрямую или опосредованно отражён в культуре/субкультуре (этнической, профессиональной, конфессиональной и др.). Этот образ формирует и очерчивает границы пространства, занимаемого исследуемой культурной группой, влияет на деятельность людей, их стереотипные представления о поведении «своих» и «чужих», рождая символическое поле коммуникации.

Таким образом, «историко-культурный ландшафт» учитывает и существующие культурные реалии, и исторические особенности формирования культурного наследия на данной территории, и исторические объекты, которые не сохранились до наших дней. Он формирует этнокультурное поле, включающее в себя совокупность элементов материального и нематериального наследия, принадлежащего всем народам, оставившим след в культуре определённого региона³. Это традиционные жилища, пища, одежда, фольклор, мифология места, восприятие сообществом собственных традиций и образа ближайших соседей, благодаря чему осуществляется демаркация своего и чужого пространств. В данном случае физико-географические (ареальные) границы могут многое рассказать не только о характере и модальности хозяйственного освоения территории, но и о структуре массового сознания той или иной группы населения, а также предоставить дополнительные сведения о культурной специфике и векторе её изменений.

Северо-Восточная Азия и Дальний Восток России — как часть СВА — огромная территория с немногочисленным, но разнородным населением (коренные малочисленные народы, славяне, этнические мигранты из соседних зарубежных стран, государств Центральной Азии и Кавказского региона и др.) и контрастными ландшафтами, как природными (от суббореальных семиаридных и гумидных до бореальных таёжных, бореальных субарктических и арктических зон), так и антропогенными, с неравномерно урбанизированными районами в диапазоне от маленьких таёжных посёлков до крупных городов.

² Берг Л.С. Ландшафтно-географические зоны СССР. М.; Л.: Сельхозгиз, 1931. Ч. 1. 401 с.

³ Дахин С.Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187—190.

В настоящем выпуске мы предлагаем обратиться к элементам и образам тех или иных этнокультурных районов Дальнего Востока России, а также к современным социальным процессам, влияющим на формирование суперпозиции «человек — природа», специфику культуры и межкультурной коммуникации миноритарных и локальных сообществ рассматриваемого региона.

Открывает рубрику статья *Ж.М. Баженовой* и *Г.Г. Ермак*, посвящённая анализу этничности на фронтальных территориях Дальнего Востока. Одним из таких мест является о. Сахалин. С российской точки зрения его можно определить даже как «фронт фронтала», с учётом положения и культурного наследия: сравнительно большая изолированность, пересечение значительного числа народов и культур — от предков современного тунгусо-маньчжурского и палеоазиатского населения до корейцев и японцев. Последние имеют свою государственность и влияние на современной региональной и мировой арене. Работа опирается как на теоретические труды по исследованию фронтала, так и на полевые материалы авторов, собранные в ходе экспедиций на о. Сахалин. Отмечая тот факт, что этничность как форма идентичности у представителей культурно сложных семей изучаемой фронтальной территории имеет ярко выраженный множественный характер, авторы тем не менее приходят к выводу, что положение острова, его культурное разнообразие не разъединяют людей, а, наоборот, способствуют формированию общей региональной идентичности более высокого порядка, такой как «сахалинец».

В статье *Л.И. Миссоновой* с помощью картографического метода предпринята попытка более точного определения локализации «туземных ярмарок» на востоке и северо-востоке России. Последние были не только центрами товарного обмена, но и средоточием прочих обменных процессов. Нередко они же выступали в роли мест христианизации аборигенов, сдачи ясака и т.д. Торговые тропы, проложенные туземным населением, использовались для активного освоения огромных пространств исследуемого региона и послужили основой для путей русских землепроходцев и купцов.

Многие закономерности выбора аборигенами торговых маршрутов, наиболее безопасных и удобных мест самих торгов легли в основу современной, привычной нам инфраструктуры Дальнего Востока России. Связь территорий и различных природных ландшафтов осуществлялась согласно определённым универсальным принципам, отражавшим своеобразие геотопов макрорегиона в целом.

Образы места и человека осмысливаются в фольклоре, причём не только через физические свойства самой территории, но и через её ресурсы. Важнейшим из последних (и пищевым, и промысловым) для многих коренных народов Дальнего Востока России была рыба. Так, например, для айнов о-вов Сахалин, Курилы и Хоккайдо особое значение в этом плане имел лосось. Анализу его положения в жизненном и мифологическом пространствах указанного этноса посвящена статья *М.В. Осиповой*. Лососёвые породы рыб не только использовались в качестве пищи или источника материала

для пошива одежды и обуви, но и были статьёй торговли с соседями, играли значительную роль в консолидации айнского населения. По сути, лосось являлся значимым групповым маркером всей общности.

Связь промысловых объектов (биохимические свойства диеты, способ добычи, приготовления и перераспределения пищевых ресурсов и проч.) со спецификой и образом культуры не требует особых доказательств. Однако её конкретные способы реализации в фольклоре не носят линейного характера и всегда трудны для передачи при переводе с одного языка на другие и последующей интерпретации. Культурам многих коренных народов Дальнего Востока, в силу их анимистических представлений, присуща тесная психоэмоциональная связь с теми или иными животными (рыбами, птицами). В статье *Н.А. Татаренковой* изучено отражение в фольклоре восприятия морского бобра (калана) алеутами Командорских островов, выявлена его роль в их культуре.

Автор приходит к выводу, что в XX в. началось угасание психоэмоциональной связи «человек — калан». На Командорах «красной линией» стало время введения полного запрета на промысел этих животных. Разрыв отношений «охотник — добыча» привёл к цепи негативных последствий, индикатором которых были депрессия и отказ от создания новых сюжетных линий в фольклоре.

Элементами образа историко-культурного ландшафта могут выступать не только фольклорные и иные тексты, но и хранители сакрального знания, служители культа, мастера ремёсел как таковые. Почти для всей Сибири и Дальнего Востока такой символической фигурой является шаман. В работе *Л.Е. Фетисовой* исследуется шаманский повествовательный фольклор в системе устного творчества тунгусо-маньчжурских народов. В контексте рубрики важен вывод автора о региональных особенностях произведений: первым шаманам придаётся статус демиурга, участника космогонических событий. Их потомки являются ответственными исполнителями обрядов жизненного цикла и следят за соблюдением людьми установленных правил ритуального поведения. Приведённые примеры показывают не только устойчивость традиционного содержания, но и его трансформацию под влиянием новых условий (приуроченность некоторых популярных сюжетов к событиям первой половины XX в.). По мнению автора, это свидетельствует о продуктивности аборигенной фольклорной культуры, которая может расцениваться как своеобразная форма народной исторической памяти.

Исследование специфики историко-культурного ландшафта Северо-Восточной Азии далеко не исчерпывается приведёнными в рубрике статьями. Мы надеемся, что она вызовет интерес у читателя, а также послужит отправной точкой для продолжения дискуссии на страницах нашего журнала.

Ю.В. Латушко, канд. ист. наук, зав. Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН